

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Полет зеленушки	13
Часть вторая. Имена на плитах	53
Часть третья. Звезды как иглы	175
Часть четвертая. Нения по палачу	335
Часть пятая. Kindertotenlieder	405
Часть шестая. Память камней	457
Часть седьмая. Песнь надгробия	581

Посвящается Маргариде

Отче, не прощай им, ибо они ведают,
что творят.

Владимир Янкеlevич

0

Прикосновение к двери было едва слышным. Словно кто-то нежно погладил ее. Дверь бесшумно открылась (рука в перчатке придержала ручку, чтобы не допустить ни малейшего скрипа) и с едва уловимым вздохом закрылась. Темная тень тихо скользнула среди обычных теней дома. Привыкшие к ночи глаза Юрия пристально следили за ней. Незванный гость прошел в кабинет. Оконные жалюзи там были подняты, и он чертыхнулся про себя. По другую сторону окна снег, принесенный внезапным фронтом полярного воздуха, окутывал окрестный пейзаж могильным холодом, усугубляя безмолвие ночи. Даже шума реки не было слышно. Пришелец предпочел не опускать жалюзи, поскольку никто не должен был ни в коем случае узнать, что этой ночью он проник в дом.

С тягостным вздохом гость сел за компьютер, поставил портфель на пол рядом со стулом и нажал кнопку системного блока. Его внимание привлек безупречный порядок на рабочем столе, и он подумал, что это облегчит ему работу. Юрий бесшумно последовал за пришельцем в кабинет и, встав в дверях, молча наблюдал за ним. Голубоватое мерцание экрана заполнило комнату, и сидевший возле него человек подумал, что ему совсем не хотелось бы, чтобы это тусклое холодное сияние проникло на пустынную улицу и в другие помещения дома. На бумажке, прилепленной сбоку от экрана, было написано: «Доброе утро! Еда в шкафчике над холодильником. Спасибо за все!» Он начал просматривать папки. Потом вытащил из кармана куртки упаковку дискет и, запасшись терпением, приступил к копированию архивных файлов. Где-то в другом конце здания кто-то закашлял; пришелец представил себе, как соседи снизу возвращаются с какой-нибудь безумной вечеринки, умаявшиеся, обессиленные, бормоча про себя, что это оголтелое веселье уже не для них. Ночную тишину нарушил звук

проехавшей мимо машины, которая из-за снега двигалась резко и неровно. Ну почему, когда спешишь, эти компьютеры работают так медленно? И почему они так шумят, если производители уверяют, что они бесшумны? Внезапно зазвонил телефон; пришелец выключил компьютер, хотя загрузка была в самом разгаре, и застыл как вкопанный, чувствуя, что по носу стекает капля пота. Он не вытирал ее, потому что перестал существовать. В квартире, однако, по-прежнему было тихо.

— Сейчас я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение после короткого сигнала.

— Послушай, рано утром я не смогу заехать. Понимаешь, у нас появился еще один заказ на плитняк в Тремпе, и дочка настаивает, чтобы я ехал. Но ты не беспокойся, я заеду ближе к полудню, до обеда. Пока. Удачи и целую тебя. Я обязательно приеду тебя навестить. Ах да! Ты права: журчание Памано действительно слышно.

Бип-бип. Пока. Мужской голос с горным пальярским выговором¹, охрипший от табака и кофе и самым обычным тоном говоривший о планах на завтрашний день. Незнакомец выждал несколько секунд: вдруг откроется какая-нибудь дверь. Нет. Никого. К счастью, Юрий решил не выдавать себя и продолжал неподвижно стоять в дверях. Когда отзвук телефонного звонка растаял в воздухе и шорох снежных хлопьев, мягко опускавшихся на окрестности, вновь стал различим, незнакомец позволил себе легкий вздох и снова включил компьютер.

Толком не понимая, что делать, Юрий отошел от двери и на какое-то время укрылся в гостиной, прислушиваясь к малейшим шорохам, доносившимся из кабинета.

Пришелец возобновил свою работу. Довольно быстро он заполнил пять дискет, переписав файлы из папок с инициалами О. Ф. и еще несколько на всякий случай. Потом отправил сами файлы в корзину и очистил ее, убедившись, что от электронных документов не осталось никакого следа. Наконец вставил в системный блок еще одну дискету, на этот раз с вирусом, затем извлек ее и выключил компьютер.

После этого пришелец зажег фонарик и зажал его во рту, чтобы освободить руки. Ему не доставило никакого труда опустошить

¹ *Пальярский субдиалект* — субдиалект каталанского языка, на котором говорят в комарках Пальярс-Собира и Пальярс-Хусса в Каталонии. (Здесь и далее прим. перев.)

три интересующие его папки из настольного лотка для бумаг. Там были документы, фотографии, пластиковые папки с бумагами. Он положил все в портфель и поставил лоток на место. На полу возле стены стоял красный чемоданчик. Он открыл его. Судя по всему, в нем лежали вещи, собранные для поездки. Пришелец тщательно исследовал содержимое: ничего интересного. Он закрыл чемоданчик и оставил в том виде, в каком обнаружил. Перед уходом он решил на всякий случай проверить все ящики стола. Чистые листы бумаги, блокноты, школьные тетради. И коробка. Едва он ее открыл, как лоб у него покрылся холодной испариной. И тут ему показалось, что в другом конце жилища раздался тягостный вздох.

Гость закрыл входную дверь, твердо зная, что не оставил никаких следов своего пребывания в этом доме, что потратил на всю работу не более четверти часа, так что чем дальше отсюда его застанет рассвет, тем лучше.

Едва оставшись один, Юрий вошел в темный кабинет. Здесь все, казалось, было по-прежнему, но его не покидало чувство тревоги. Гнетущее ощущение, что он, похоже, оказался не на высоте положения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полет зеленушки

Имена, покоящиеся под цветами.

Жоан Вильоли

В девять часов утра тридцатого дня марта две тысячи второго года от Рождества Христова, в день желанный и долгожданный, взоры множества верующих из всех уголков мира, что собрались в этот час на площади Святого Петра в Ватикане, жадно устремлены на нарядно убранное окно, из которого его святейшество вскоре произнесет торжественное благословение «Urbi et orbi»¹. Хотя весна уже началась, стоит пронизывающий холод, который коварный ледяной ветер принес из-за Тибра: проложив себе путь по виа делла Кончилиационе, он решительно и победоносно проник на площадь, вознамерившись, по всей видимости, остудить пыл сердец, предвкушающих появление понтифика. Повсюду видны обязательные в таких случаях платки, извлеченные из карманов то ли по причине внезапно напавшего на всех насморка, то ли из-за нахлынувших эмоций. И вот легкое движение в окне, внезапно возникшее отражение в стеклах балкона, ставни которого открываются внутрь. Микрофон, священник, угодливо устанавливающий его на нужную высоту, и согбенная, облаченная в безупречно белые одежды фигура его святейшества Иоанна Павла II, произносящего слова, которые никто из присутствующих не в состоянии разобрать, хотя народ на площади застыл в полной тишине. И наконец благословение. Шесть монахинь из Гвинеи, преклонив колени на мокрой мостовой, рыдают от счастья. Возглавляемая отцом Рельей группа, удачно расположившаяся прямо напротив папского балкона, хранит абсолютное молчание, возможно несколько неловкое на фоне суеверных излияний некоторых богомольцев, которые вздымают вверх руки с четками, покрывают поцелуями образки с изображением папы за пол-евро или делают фотографии, призванные увековечить сей торжественный момент. Отец

¹ «Граду и миру» (лат.).

Релья делает сдержанный жест, как бы говорящий «вот уж заставь дурака Богу молиться...», и смотрит на часы. Следует поспешить, через полчаса им надо быть на пьядца дель Сант-Уффицио. Тотчас после благословения, как только фигура папы, увлекаемого с балкона врачами, скрывается из виду, отец Релья поднимает вверх руку и указывает своей группе нужное направление, приготовившись с помощью красного зонтика пробивать им путь по главной площади Ватикана сквозь всю эту чашу богомольцев. Составляющие группу — пятьдесят женщин и тринадцать мужчин, словно единое существо, решительно движутся вслед за зонтиком. Основная же масса собравшихся ходит кругами по площади, будто людям жаль покидать место, о котором они столько раз грезили во сне.

Лимузин с тонированными стеклами неслышно, по-кошачьи проскальзывает по виа Порта-Анжелика, поворачивает направо и останавливается у контрольного пункта на виа дель Бельведере. Двое мужчин с наушниками, рациями, в черных очках и белых воротничках склоняются с двух сторон к окошечкам машины, стекла которой опускаются синхронно и элегантно, подобно выверенному движению век. Мужчины тут же выпрямляются и знаком показывают, что автомобиль может проезжать. Тем не менее один из них быстрым шагом сопровождает машину до места, где она должна припарковаться, на виа делла Поста. От стены отделяется ватиканский привратник, который почтительно открывает правую дверцу лимузина. У дверей Апостольского дворца швейцарский гвардеец, облаченный в костюм янычара, изображает полное безразличие к окружающему миру, устремив пристальный взгляд на здание, словно в надежде раскрыть какие-то постыдные тайны сего закрытого от посторонних глаз места. Из лимузина показываются изящные ножки, обутые в безупречные черные туфли с серебряными пряжками, и деликатно касаются земли.

В полном соответствии с протоколом праздничных мероприятий в соборе Святого Петра в Ватикане отслужат мессу, на которой в полном составе будет присутствовать Конгрегация обрядов. Всех специальных гостей предусмотрительно просили явиться за три часа до начала церемонии, дабы избежать любых непредвиденных случайностей, ибо если чему и научилась Римско-католическая апостольская церковь на протяжении веков, так это виртуозно придумывать, организовывать и проводить любого рода

церемонии с обязательным соблюдением четко выверенной степени пышности, соответствующей важности и значительности каждого акта.

Облаченная в строгие черные одежды, худая и, несмотря на свои восемьдесят семь лет, удивительно прямая дама в скромной, но весьма элегантной шляпе ждет, когда сын и сопровождающие его члены семейства подойдут к ней. С некоторым недовольством и досадой она старается не обращать внимания на гул, царящий на площади, где толпится народ. Газуль решает какие-то вопросы с капралом, вышедшим вслед за привратником.

— Куда делся Сержи, — дама произносит эти слова, сурово глядя прямо перед собой и не удосужившись придать вопросу соответствующую интонацию.

— Да вот он, здесь, мама, — сухо отвечает Марсел. — Где же ему быть?

Сержи отошел немного в сторону и зажег сигарету, предвидя, что там, внутри, ему ни за что не позволят закурить.

— Я его не слышу.

— Ну да, ты же не удосужилась обратиться с вопросом непосредственно к нему, а не в пространство, думает Мерче, которая никак не может стереть с лица злобное выражение, приклеившееся к нему еще ранним утром. Но ведь ты никогда не задаешь конкретных вопросов конкретным людям и никогда не поворачиваешь головы в сторону человека, к которому обращаешься, поскольку не хочешь, чтобы на шее появлялись морщины, и потому что уверена, что в конце концов люди все равно сами подойдут к тебе.

— Ну что? — спрашивает дама Газуля.

— Все в порядке.

Группа из пяти человек под контрольным номером 35Z входит в двери палатки за три часа до начала церемонии.

Просторный зал Святой Клары мягко освещает приглушенный свет, проникающий сквозь стекла трех балконов, выходящих в широкий внутренний двор, по которому торопливо прохаживается мужчина с яркой желтой лентой, наискось пересекающей его грудь; перед ним услужливо семенит человек в гражданской одежде, который, вытянув вперед руку, указывает на дверь. Напротив балконов — огромная темная полусфера, демонстрирующая познания о Земле, коими человечество обладало в семнадцатом

веке. Рядом — концертный рояль, весьма неожиданный предмет в подобной обстановке; он словно задумчиво дремлет, как это происходит со всеми музыкальными инструментами, когда они умолкают.

Ответственный за протокол сухопарый мужчина, облаченный, как и дама, во все черное, скорее всего священнослужитель, намеренно бормочет что-то по-итальянски, прекрасно отдавая себе отчет в том, что его могут не понять; он говорит вновь пришедшим, чтобы они чувствовали себя как дома, что теперь остается только ждать начала церемонии и что туалет, расположенный за дверью рядом с роялем, находится в их полном распоряжении. Не успели они расположиться, как в зал вошла средних лет женщина, по всей видимости монашка, которая толкала перед собой тележку, наполненную всевозможными закусками и сугубо безалкогольными напитками, и сухопарый мужчина шепотом сообщил Газулю, что тележку уберут за час до начала акта, сами понимаете почему.

Дама садится на широкий диван, плотно сдвинув ноги, и устремляет созерцательный взгляд вглубь зала в ожидании, что остальные последуют ее примеру. В глубине души она испытывает самое сильное напряжение, какое только может выдержать ее хрупкое тело, но никоим образом не может позволить, чтобы ее сын, бывшая невестка, безучастно слоняющийся возле балконов внук и адвокат Газуль заподозрили, как она нервничает, какую тревогу испытывает, сидя на удобном диване в просторном зале Святой Клары в Апостольском дворце Ватикана. Дама знает, что после сегодняшнего дня она наконец сможет позволить себе спокойно умереть. Подносит руку к груди и нащупывает свисающий с шеи крестик. Она знает, что сегодня завершаются шестьдесят лет ее неизбывной муки, и не желает признаться самой себе, что, возможно, лучше ей было бы прожить совсем иную жизнь.

В день, когда его имя было предано забвению, на улицу вышло совсем немного народу. И даже если бы не было дождя, вряд ли было бы больше людей, ибо все предпочли продемонстрировать свое полное безразличие к происходящему, хотя, разумеется, потихоньку, из какого-нибудь неприметного окошка или из-за садовой изгороди, следили за церемонией, воскресившей в памяти столько слез и горя. Алькальд принял решение проводить мероприятие несмотря на дождь; он, разумеется, никому не сказал, что истинная причина сего приступа политического рвения кроется в том, что на два часа он назначил встречу с клиентом в Сорте и у него слюнки текут при одной мысли об отменном вязком рисе¹ с овощами, ожидающем его в таверне Ренде. Но он был истинным представителем семейства Бринге, а посему хотел продемонстрировать всей деревне, включая обитателей дома Грават, что ввиду своей исключительной важности церемония состоится в любом случае, даже если дождь будет лить как из ведра. Итак, при смене вывесок присутствовали алькальд, члены муниципального совета, секретарь и два волонтера в лице заблудившихся туристов, которые, укрывшись под глянцевыми дождевиками, не понимая толком, что происходит, не преминули сфотографировать диковинные обычаи обитателей высокогорья; кроме того, там были Серральяк (как же без него?) и сеньора Басконес, хотя никто так и не понял, что ей, черт возьми, делать на подобном мероприятии. Френоколопексия. Жауме Серральяк изготовил четыре великолепные таблички из светло-серого мрамора, такие изысканные, что они вполне могли бы оказать честь гораздо

¹ *Вязкий рис* — традиционное каталонское блюдо, которое, в отличие от рассыпчатого риса, готовится на бульоне с добавлением различных ингредиентов и имеет более жидкую консистенцию, чем, например, паэлья.

более выдающимся улицам, более крепким стенам и более элегантному населенному пункту. «Улица Президента Франсеска Масии»¹ заменит «Улицу Генералиссимуса Франко». Вместо «Улицы Хосе Антонио»² появится «Главная улица», «Главная площадь» перестанет быть «Площадью Испании», а «Средняя улица» займет место «Улицы Фалангиста Фонтельеса». Поскольку все было заранее подготовлено, отверстия в нужных местах просверлены, а Серральяк мог делать свою работу с закрытыми глазами, ибо из-за частых смен вывесок после окончания диктатуры он давно набил руку, то дело и выеденного яйца не стоило. Правда, одна табличка, фалангиста Фонтельеса, никак не желала покидать свое место, и пришлось раскалывать ее молотком прямо на стене. Осколки печальной истории выкинули в мусорный бак напротив дома Баталья. Останки фалангиста Фонтельеса издали беспомощный глухой звук, к которому присоединился почти неслышимый стон, исходивший от суровой, неподвижно застывшей на террасе дома Грават фигуры; впрочем, стона этого не услышал никто, кроме кошек. С холма за церемонией наблюдали две пожилые, тепло одетые дамы; одна из них была совсем дряхлой. Убедившись, что Серральяк вдребезги разбил старую вывеску, они, взявшись под руку, медленно спустились по Средней улице, украдкой бросая взгляды на фасады домов, окна и двери и время от времени обмениваясь коротенькими, не предназначенными для посторонних ушей замечаниями; так они пытались скрыть смущение от осознания того, что из домов за ними исподтишка наблюдает множество глаз, тех самых, что до этого украдкой подглядывали за церемонией смены табличек на соответствующих улицах. Когда дамы дошли до мусорного бака, они заглянули в него, словно желая в чем-то удостовериться. Группа представителей власти уже удалялась по улице Франсеска Масии в сторону Главной площади, чтобы произвести последнюю из запланированных смен вывесок; было предусмотрено, что там, на площади, сеньор алькальд произнесет несколько слов о духе примирения, побудившего граждан проявить инициативу по восстановлению исторических названий. Теперь, когда многострадальная улица наконец переиме-

¹ Франсеск Масия (1859–1933) — 122-й президент Каталонии (1932–1933).

² Хосе Антонио Примо де Ривера и Сазнс де Эредиа (1903–1936) — испанский политический деятель, сын диктатора Испании Мигеля Примо де Риверы. Основатель фашистской партии «Испанская фаланга».

нована и на ней воцарилась привычная тишина, у жителей Торены больше не будет повода вспоминать об Ориоле; и все дома этой высокогорной деревушки вздохнули с облегчением, поскольку наконец-то был ликвидирован важнейший символ, возбуждавший раздор и вражду. И никто, кроме хрупкой тени, что на террасе дома Грават в тот момент протирала очки, думая про себя вот увидите, хорошо смеется тот, кто смеется последним, никто в деревне с тех пор больше не вспоминал об Ориоле Фонтельесе. Никто... пока спустя двадцать четыре года, решив в преддверии двадцать первого века привести селение в более-менее приличный вид, власти не заговорили о сносе одинокого и никому теперь не нужного здания старой школы.

Как и следовало ожидать, директриса школы в Сорте поручила Тине Брос отправиться в Торену и досконально проинспектировать здание старой школы, поскольку они готовили выставку, посвященную эволюции учебных пособий, и надеялись на интересные находки в предназначенном к сносу здании. Ну, какой-нибудь старый школьный материал и все в таком роде. Поскольку помимо этого Тина работала над близкой по теме книгой, то именно ее и послали провести официальную экспертизу сохранившегося хозяйства старой школы. А это означало, что Тине, голова которой была занята совсем иными проблемами, через три дня после своего первого посещения пришлось поневоле вновь ехать в Торену на своем допотопном красном «ситроене». Она, разумеется, не могла знать, что припарковалась под табличкой, которая двадцатью пятью годами ранее восстановила историческое название Средней улицы. Заглянув в мэрию, Тина попросила дать ей ключи от школы, но там ответили, что они у строителей, которые уже работают на объекте, и когда она подошла к школьному зданию, крайнему в деревне, если идти по дороге к холму Триадор, то увидела, что рабочие уже начали разбирать кровлю, снимая одну за другой черепичные плитки. Недолго думая, она вытасила маленький фотоаппарат с высокочувствительной пленкой и, воспользовавшись зыбким светом опускавшихся сумерек, сделала три снимка дома. При этом постаралась, чтобы ни в один из них не попали оседлавшие крышу рабочие. Может быть, парочка снимков пригодится ей для будущей книги. Может быть. К счастью,

рабочие начали слом здания с той части, где располагались туалеты. Поэтому Тина успела тщательно проинспектировать оба шкафа в классной комнате, изрядно перепачкавшись в накопившейся за долгие годы вязкой черной пыли, приговорить к уничтожению старые ненужные бумаги, помиловать дюжину книг, основывающихся на доисторической педагогике, но представляющих собой определенный интерес для выставки, и вдоволь наслушаться ударов кувалды, приговаривающих здание к исчезновению. Весь спасенный материал свободно поместился в картонную коробку, которую она предусмотрительно захватила с собой из Сорта. Закончив, она надолго замерла в полной неподвижности, уставившись широко раскрытыми глазами в окно и спрашивая себя, следует ли считать то, что она намеревается сделать, после того как покинет школу, недостойным посягательством на свое достоинство. Ну конечно же, это посягательство; однако Жорди не оставил ей другого выхода. Она простояла еще пару минут, в задумчивости приоткрыв рот: да, другого выхода у нее нет. Ну почему Жорди такой, почему Арнау такой, боже мой, почему? Почему в доме никогда ничего не обсуждается, почему они такие упрямые, почему Арнау с каждым разом отдаляется от нее все больше и больше, иногда даже позволяя себе пропадать из дома на несколько дней, невнятно что-то цедя сквозь зубы в ответ на вопрос, с кем он был? Эти горькие мысли долго крутились у нее в голове, унося куда-то вдаль, пока она наконец, вздохнув, не отвела взгляд от окна и не оказалась вновь в пустой школе Торены. Она сделала над собой усилие, чтобы хоть какое-то время не думать о них, особенно о Жорди. И тогда ей пришлось в голову открыть ящички учительского стола. В первом из них, помимо вороха невидимых воспоминаний, все еще сохранилась стружка от карандаша, который, видимо, точили когда-то давным-давно. В двух других не осталось ничего, даже воспоминаний. По ту сторону грязных стекол день лениво двигался к своему завершению, и только в этот момент Тина вдруг отдала себе отчет в том, что уже давно не слышит ударов кувалды.

На классной доске лежал кусочек полуисписанного мела. Тина взяла его и не смогла устоять перед соблазном воспользоваться им; четким почерком школьной учительницы она написала дату: «Среда, 13 декабря 2001 года». И повернулась лицом к классу, словно за обшарпанными партами сидели дети и она собиралась

объявить им план урока. И тут же застыла с открытым ртом, потому что напротив нее, подпирая дверь в классную комнату, застыл, тоже с открытым ртом, небритый рабочий с сигаретой в зубах, коробкой из-под сигар в одной руке и газовой лампой в другой. Он первым вышел из оцепенения:

— Сеньорита... Мы уходим, потому как уже ничего не видно. Ключ вы отдадите?

Держа лампу перед собой, он подошел к ней, осветив стол и доску; из кармана его белых от пыли джинсов свешивалась связка ключей. У Тины возникло ощущение, что перед ней ученик, который подошел сдать ей тетрадку, а она — учительница этой школы. Рабочий поставил на стол коробку из-под сигар:

— Это было за доской.

— За этой доской?

Рабочий подошел к доске и, хотя она казалась вделанной в стену, потянул ее вбок; со скорбным стоном доска переместилась на пару пядей вправо, обнаружив маленькую темную нишу в стене. Мужчина поднес к ней лампу:

— Вот здесь.

— Будто сокровище какого-нибудь пирата.

Рабочий вновь потянул за доску и вернул ее на место.

— Там тетради ребятишек, — сказал он. И дважды похлопал по коробке. Это была хорошо сохранившаяся коробка для сигар, перетянутая черным шнурком.

— Я могу ее взять?

— Я собирался ее выкинуть.

— Вы не оставите мне газовую лампу?

— Если вы здесь останетесь, то окоченеете от холода, — предупредил ее мужчина, протягивая лампу.

— Я тепло одета. А за лампу спасибо.

— Когда будете уходить, закройте дверь на ключ, а горелку оставьте на пороге, и завтра мы ее заберем.

— Сколько времени понадобится вам для сноса этого здания?

— Да завтра же все и закончим. Сегодня мы занимались только подготовкой. Работа несложная.

Он простился с ней на манер морского офицера, небрежно поднеся палец к виску. Потом резко захлопнул дверь, и голоса бригады постепенно растаяли за грязным окном; в школе воцарилась

такая тишина, что еще немного, и можно было бы услышать, как кашляет Элвира Льюис, девочка, сидевшая за первой партой и скончавшаяся от чахотки пятьдесят шесть лет тому назад. Тина огляделась. В свете газовой горелки бродили какие-то неведомые тени. Да, работа несложная, подумала Тина. Сколько же детей научились здесь читать и писать? И все это будет разрушено в один день, грустно вздохнула она.

Она вернулась к столу и убедилась в том, что рабочий был совершенно прав: классная комната была настоящим морозильником. И дневной свет уже совсем померк. Она поставила лампу на учительский стол и вспомнила о пиратских сокровищах. Только представь себе, ведь они могли снести школу со спрятанными в ней алмазами, подумала Тина. Осторожно развязала шнурок и подняла крышку: алмазы оказались тетрадками голубого или светло-зеленого цвета (в полутьме было не разглядеть), со словом «Тетрадь» на обложке, набранным черным типографским шрифтом. Детские тетради. Две, три, всего четыре. А все-таки жаль, что не алмазы, вздохнула она. И вдруг, как это с ней бывало уже не раз, почувствовала резкий точечный укол в грудь.

Она открыла одну из тетрадей, и ее внимание сразу привлек аккуратный, четкий, разборчивый почерк, которым были заполнены сверху донизу все страницы тетрадок. И в каждой — какая-то иллюстрация. В первой — мужское лицо. Тина не могла этого знать, но это был автопортрет, который Ориол сделал перед зеркалом в школьном туалете. Мужчина с печальным взглядом. Во второй тетради — дом с надписью внизу: «Дом Грават». В третьей, ну-ка... похоже, церковь. Ну да, торенская церковь Сант-Пере. И пес, похожий на спрингер-спаниеля, с самым меланхоличным взглядом, какой только Тине доводилось видеть в своей жизни; возможно, его звали Ахилл. А в последней тетради — набросок женского лица, многократно измененный и исправленный, но так и оставшийся незаконченным: не хватало губ, а глаза были пустыми, как на мраморных кладбищенских статуях, которыми торговал в своей мастерской Серральяк. Она села на стул и вдруг осознала, что из-за холода ее дыхание превращается в густое облако пара, которое словно пытается утаить от всех ее находку, эти четыре тетради. Где же она слышала это имя? И ведь совсем недавно. Да, его явно где-то упоминали совсем недавно.

Тина Брос с интересом и любопытством принялась за чтение, даже не догадываясь, что ее ждет впереди. Она начала читать с первой страницы, с обращения: *Дорогая моя доченька, я не знаю, как тебя зовут, но знаю, что ты существуешь, потому что видел твою ручку, маленькую и нежную. Мне бы хотелось, чтобы, когда ты вырастешь, кто-нибудь передал тебе эти строки, потому что я хочу, чтобы ты их прочла... Меня очень пугает то, что люди могут тебе рассказать обо мне, особенно твоя мать...*

В половине девятого свет газовой лампы начал мигать, возвещая о том, что скоро потухнет, и только тогда Тина вскинула голову, словно возвращаясь из другого мира. Она совершенно продрогла: да, было в высшей степени неблагоприятно остаться здесь, в промозглой пустой аудитории. Женщину сотрясала дрожь. Она закрыла мягкую обложку тетради и медленно выдохнула воздух, словно на протяжении всего чтения задерживала дыхание. Было очевидно, что тетради совсем не подойдут для выставки, которую хочет организовать Майте. Она сложила их обратно в коробку для сигар, перевязала ее черным шнурком, положила в большой внешний карман куртки и приготовилась покинуть школу, в которой, как ей теперь казалось, прожила более пятидесяти лет.

Она оставила лампу там, где велел рабочий-моряк, зашла в мэрию, чтобы вернуть ключ, и отправилась к мраморной табличке, сообщавшей о том, что эта улица называется Средней. Старенький «ситроен» верно ждал ее на своем месте, слегка припорошенный девственно-чистым снегом, защищавшим его от меланхолии хозяйки.

Шоссе, ведущее в Сорт, было пустынным и холодным. Тине не хотелось останавливаться и надевать цепи на колеса, и она двигалась медленно, в такт своим мыслям, оцепеневшим как от школьного холода и прочитанных страниц, так и от неумолимо надвигавшейся ночи. Граффити весьма радикальной эстетики, красовавшееся на старой подпорной стене у поворота на Пендис на границе торенского района, извещало о том, что на горе Тука-Негра производится вырубка деревьев, необходимая для продления трассы. В школе уже никого не было. Тина оставила картонную коробку с пояснительной запиской в кабинете Майте и стремительно выскочила из школы: ей всегда было страшно бродить одной по темным

коридорам здания, когда оно пустело. Словно холод, окутывавший безлюдную школу, мог породить жутких призраков. Старенький «ситроен» благополучно довез ее до отдаленной придорожной гостиницы. Снег здесь еще не выпал. Коробка из-под сигар с четырьмя тетрадами по-прежнему лежала на пассажирском сиденье. Тина сочла, что благоразумнее будет припарковаться не на стоянке хостела, а прямо на шоссе, плотно прижавшись к обочине; она заглушила мотор, выключила свет и на какое-то время неподвижно застыла, устремив взгляд на освещенную дверь гостиницы. Снег, будто только и ждал этого момента, начал бесшумно и опасно опускаться на землю. Тина ощупала соседнее сиденье, чтобы убедиться, что коробка для сигар на месте. Как она ни старалась, ей не удавалось расслышать мягкий шорох снежных хлопьев, покрывавших все вокруг белой пеленой.

Было холодно. Пару раз она выходила из машины, чтобы очистить лобовое стекло, стараясь не терять из виду дверь хостела. Она предпочла не включать печку, потому что в окружавшей ее магической тишине бархатной конфетной коробки даже река несла свои воды совершенно бесшумно, и шум мотора сразу оповестил бы Жорди о том, что она здесь.

Выйдя в последний раз из машины, чтобы потопать ногами и немного согреться, она скребком счистила лед с лобового стекла и залепила свежевыпавшим снегом номерной знак. Одно дело — признаться самой себе, что твоему достоинству нанесен невосполнимый урон, и совсем другое — чтобы об этом узнали другие. Нос у нее совсем заледенел.

Вновь оказавшись в автомобиле и по-прежнему не отводя взгляда от освещенных дверей хостела, откуда за все это время вышли лишь два незнакомых ей человека, она рукой в перчатке бережно коснулась коробки из-под сигар.

— Что ты сказал?

— Ты все прекрасно слышала.

Раскрыв рот от удивления, а может быть, от испуга, Роза почувствовала, что сердце у нее бешено заколотилось. Ей стало дурно, и она поспешила вернуться в кресло-качалку. Неслышно прошептала:

— Почему?

- Здесь все подвергаются опасности.
- Нет, кто действительно в опасности, так это мальчик.
- Я делаю все, что могу.
- Ни черта ты не делаешь. Сходи, поговори с сеньорой Элизендой.

— Зачем?

— А разве тебе не хочется ее увидеть? — с язвительной интонацией, явно желая уколоть. — Разве ты не пускаешь слюни всякий раз, когда ее встречаешь? Ведь у нее такое выразительное лицо, такие загадочные глаза...

— Да что ты такое говоришь?

Роза как ни в чем не бывало посмотрела в окно и сказала усталым голосом:

— Ты единственный человек во всей деревне, которого она слушает.

— Сеньора Элизенда ничего не может сделать.

— В этой деревне все делается по ее указке.

— Ну так что?

Роза перевела взгляд на Ориола, пристально глядя ему в глаза, словно в надежде выведать тайную суть взглядов, которыми он обменивался с сеньорой Элизендой, когда оставался с ней наедине. Ориол собирался что-то сказать, когда раздался колокольный звон, призывавший к вечерней службе. Какое-то время они хранили молчание, будто произнося про себя молитву, хотя они никогда не предавались подобному занятию, даже в такие жестокие зимы, как эта. И раньше, чем колокола замолкли, Роза взорвалась:

— Если ты ничего не сделаешь, я вернусь в Барселону!

— Ты не можешь меня бросить.

— Ты трус.

— Да, я трус.

Роза инстинктивно поднесла руку к животу и сказала изможденным голосом я не хочу, чтобы наша дочь знала, что ее отец трус и фашист.

— Я не фашист.

— А какая разница между этим сукиным сыном алькальдом и тобой?

— Не кричи, нас услышат!

— Он делает, а ты не противишься.

— Послушай, я ведь всего лишь школьный учитель.

— Ты мог бы заставить алькальда поступать так, как считаешь нужным ты.

— Это невозможно. Ну а кроме того, я боюсь. Этот человек внушает мне страх.

— Ты должен помешать тому, что может случиться с Вентуретой.

— Я не могу. Клянусь тебе, он меня не слушает.

Роза в последний раз взглянула ему в глаза. Потом отвернулась, слегка качнулась в кресле и вновь устремила взгляд в окно. Мысленно она прощалась с мужем, размышляя над тем, как могло такое произойти, и проклиная день, когда нам взбрело в голову согласиться на работу в этом чудном местечке, где, как свидетельствовала энциклопедия, поголовье коров и овец достигло весьма значительных цифр и где нам вдвоем будет очень хорошо, поскольку у нас окажется вдоволь времени для того, чтобы читать и любить друг друга, ведь больше нам ничего не нужно. Она вспомнила, как после долгих раздумий сказала тогда: все, Ориол, решено, мы едем в Торену. И вот теперь тесто для каннелони к празднику святого Стефана¹ сохнет на столе. Не стоило ей замешивать тесто для каннелони, ведь Рождество в этом году не наступит никогда, потому что кусок в горло не лезет, когда думаешь об этом бедном мальчике.

Ориол долго смотрел Розе в затылок. Потом, яростно стиснув зубы, выскочил из дома, хлопнув дверью. Но тут же вернулся, словно забыв что-то. Застыл на пороге, не отпуская ручку двери и делая над собой усилие, чтобы успокоиться. Роза продолжала смотреть на улицу, хотя на самом деле ничего там не видела: слезы застилали ей открывавшийся из окна величественный вид на долину Ассуа. Ориол взял меховую куртку и шапку и вновь вышел на улицу.

За восемь месяцев, что он работает учителем в Торене, Ориол изменился до неузнаваемости. А ведь какие надежды они связывали с переездом в эту деревню... Роза тогда была на раннем сроке беременности, и они оба никак не ожидали, что ему дадут это место: ведь он не был фронтовиком, не проходил военную службу и избежал отправки на фронт из-за проблем с желудком; они были удивлены, когда это случилось, поскольку полагали, что такие

¹ *Каннелони* — трубочки с начинкой — блюдо, которое в Каталонии традиционно подают к столу на второй день после Рождества, в День святого Стефана, 26 декабря.

места предназначались исключительно учителям, вооруженным членским билетом Фаланги или справкой о том, что они сражались против Республики, прилепленной к тонким усикам; да, они очень удивлялись, поскольку были столь наивны, что не понимали: даже сам Господь Бог не пожелал бы получить место в школе Торены, ибо хоть Бог и родился в хлеву, но в школу-то он ходил в Назарете, где, по крайней мере, девочки и мальчики обучались раздельно и не все были крестьянскими детьми, некоторые были детьми плотников, и у них были приличные дома и дворы с подobaющим образом выкрашенной оградой.

Она смотрела в окно, но не видела площади. Это Валенти Тарга так дурно повлиял на ее мужа. Он с первого дня начал обхаживать его и всячески завлекать в свои сети. С того самого момента, когда, стоя подбоченясь на площади, нагло разглядывал, как они вылезают из такси с блеском надежды в глазах и шербатой посудой в большой плетеной корзине. Роза не сумела тогда распознать исходившую от него опасность, и вот уже три месяца они не смеют и рта открыть, хотя знают, что время от времени черные машины силой увозят рыдающих мужчин к уступам Себастья, а потом они исчезают в кузове грузовика для перевозки скота, недвижимые, безмолвные, с навеки высохшими слезами. Валенти Тарга и ее тоже изменил, он просто-напросто заткнул ей рот. Теперь она тоже молчала. Даже сегодня, когда Ориол, вернувшись из мэрии, куда его вызвал проклятый Тарга, сказал, отводя глаза, что ей следовало бы записаться в Фалангу, она молча застыла перед плитой с открытым ртом, думая, что, может быть, она его не так поняла или что он просто шутит. Но нет, он стоял неподвижно, по-прежнему не глядя ей в глаза, и, не произнося больше ни слова, ожидал ее реакции. Роза поставила таз с тестом для каннеллони на столешницу, с трудом подошла к креслу, бережно неся перед собой живот, словно устанавливая дистанцию между дочерью и мужем, и спросила: что ты сказал?

— Ты все прекрасно слышала.

Хосе Ориол Фонтельес Грау, павший за Бога и Испанию. Теперь Тина знала, почему имя показалось ей знакомым. Неделю назад, когда она еще была счастлива, она решила проехать по кладбищам долины Ассуа, поскольку хотела посвятить один из разделов книги последним пристанищам мертвых. Кладбище Торены

Литературно-художественное издание

ЖАУМЕ КАБРЕ
ГОЛОСА ПАМАНО

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Наталья Хуторная

Подписано в печать 29.08.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YBRM1878501R